

приобрел необычайную популярность. Преследования Марка со стороны властей еще более увеличивали его влияние. Он стал оракулом и кумиром народа.

После заключения унии папа потребовал от императора Иоанна заставить Марка Эфесского подписать унию или же подвергнуть его наказанию. Пока Марк Эфесский жил в Константинополе, император боялся преследовать его, так как влияние Марка среди народа было столь велико, что император мог опасаться народных волнений. Тогда император настоял на возвращении Марка в его епархию, чтобы с ним расправиться там. Марк решил искать убежища у афонских монахов, однако по дороге был схвачен и заключен в тюрьму. Но и в тюрьме этот фанатичный вождь православной партии продолжал проповедовать, писать письма, привлекать на сторону своей партии новых приверженцев⁵¹.

Низы византийской церкви выступили против унии. Монахи Синая и Афона отказались от общения с азимитами⁵². Ставленники униатов и сами униаты изгонялись из монастырей (например, Досифей из монастыря Продрома, его ставленник был изгнан из Афин и т. д.)⁵³. Много шуму наделало раскаяние и возвращение в православие Георгия Схолария, сделавшегося после смерти Марка (1447 г.) главой православной партии.

Особенно ожесточенная борьба развернулась вокруг выборов патриарха. Императору с большим трудом удалось сперва провести своего ставленника Митрофана (отказавшегося от престола и вскоре умершего), а затем лишь через два года — униата Григория Мамму. Возможно, что эта победа императора, правда, временная, была обусловлена новым успехом турок под Варной (1445 г.) и ростом военной опасности, что заставило православную партию пойти на некоторые уступки. Но борьба была столь ожесточенной, и православная партия получила такую силу, что Григорий должен был бежать в Италию.

Православная партия в минуту грозной внешней опасности, когда Византии особенно было необходимо внутреннее единство, фактически вновь пыталась разжечь гражданскую войну. Внутренние распри и религиозная борьба весьма мешали организации сил Византийской империи для отпора туркам, но сближение Византии с Западом было также опасно и, быть может, чревато для нее новым «латинским завоеванием».

Не удивительно, что Виссарион, один из главных инициаторов унии, был встречен на родине самыми тяжкими упреками и обвинениями в измене. Видимо, он не слишком рьяно взялся за проведение унии в Византии, хотя некоторые ученые и хотят выставить его смелым борцом за унию на Востоке⁵⁴. Виссарион очень скоро убедился в провале унии в Византии и в бесполезности дальнейшей борьбы.

В создавшихся условиях Виссарион пошел по пути наименьшего сопротивления. Если бы он был такой бескорыстный сторонник унии, единственная цель жизни которого была — соединение церквей, каким изображают его некоторые исследователи, он остался бы в Византии и продолжал борьбу. Вместо этого Виссарион навсегда покидает родину и уезжает в Италию.

Другие латинофилы проявили больше стойкости, чем Виссарион. Например, Григорий Мамма, еще во время собора трезво оценивавший обстановку и предвидевший, какой прием ожидает латинофилов в Византии, писал: «Я знаю, что если мы приступим к соединению с римской церковью,

⁵¹ Сохранился ряд писем Марка, представляющих большой интерес для воссоздания картины борьбы, развернувшейся после заключения унии, и указывающих на активность Марка. См. PG, vol. 160, col. 529, 533, 536, 1092—1066. К сожалению, до нас не дошла полностью переписка Марка и мы знаем о ней главным образом по ответам и опровержениям латинофилов.

⁵² PG, vol. 160, col. 237, 1096.

⁵³ Ibid., col. 1096.

⁵⁴ A. Vast. Op. cit., p. 123 sq.